

стадию методологической рефлексии вышли теория перевода и теория межкультурной коммуникации. Все это в комплексе позволило Р. Пивиару и Л. Волохонской передать в переводе многие характерные черты стиля Достоевского. При этом очевидно, что некоторые важные формально-стилистические особенности романа, среди которых и элементы ритмической организации, передаются в переводе лишь частично или редуцированы вообще.

Т. Б. ТРОФИМОВА

ДОСТОЕВСКИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. КУПРИНА 1919—1920-х гг.

Тема «Куприн и Достоевский» исследована недостаточно, хотя на раннем этапе творчества, по мнению, например, известного литературоведа Л. В. Крутиковой, Куприн испытал сильное влияние Достоевского. Оно проявилось в таких рассказах, как «Впотьмах», «Лунной ночью», «Безумие», «С улицы» и других, в которых прослеживается сходство героев Куприна с героями Достоевского, не только в их поведении, но и в психологических портретах. Как отмечает Л. В. Крутикова, в этих рассказах писатель рассматривает роль случая в жизни человека, повествует о роковых мгновениях в человеческой судьбе и говорит о том, что разум не может познать таинственные законы, управляющие людьми.¹

Сам Куприн считал, что Достоевский принадлежит к «титанам литературы». В лекции, прочитанной летом 1908 г. в Ессентуках, Куприн говорил о нем как о гениальном художнике-психологе. «С изумительным проникновением и чисто демонической силой, с беспримерной пронизательностью он (Достоевский. — Т. Т.) пылливо заглянул и раскрыл нам глубочайшие бездны человеческого духа». Далее писатель отмечает, что таланта, «равного Достоевскому, мы не видим в мировой литературе».² Об этом же Куприн говорил и в 1913 г., участвуя в полемике, возникшей вокруг инсценировки романа «Бесы» в Художественном театре, горячо защищая «того Достоевского, который сумел прозреть все глубины русской души, который сумел их выявить с удивительным мастерством».³

Не только в художественных произведениях писателя ощутимо влияние Достоевского. В письмах и в публицистике Куприна встре-

¹ Крутикова Л. В. А. И. Куприн Л., 1971 С. 30

² А. И. Куприн о литературе Минск, 1969 С. 294

³ Биржевые ведомости 1913 8 окт

чается его имя, упоминаются произведения или герои Достоевского. В исследованиях прошлых лет, посвященных Куприну, как правило, больше внимания уделялось французскому периоду жизни писателя, и не только как более длительному по времени, но и потому, что на фоне все усиливающейся тоски по родине и неустроенности жизни в Париже сглаживались впечатления о революции 1917 г., мягче становилось его отношение к октябрьским событиям. Участие же в эмигрантской печати исследователи объясняли тем, что Куприн попал под сильное влияние Дм. Мережковского и Зинаиды Гиппиус.

Но жизнь эмигранта началась для Куприна уже в октябре 1919 г., когда он вместе с отступавшими войсками Северо-Западной армии Н. Н. Юденича покинул свою любимую Гатчину и оказался в Ревеле, где его ждали жена и дочь, успевшие уехать раньше, а затем они все вместе выехали в Гельсингфорс. Куприн прожил в Финляндии недолго, менее года — с ноября 1919-го по июнь 1920 г. Но этот короткий период был насыщен работой. Бел Хеллман, известный литературовед, отмечал, что за восемь месяцев пребывания в Финляндии писатель опубликовал около ста очерков, статей, заметок, рассказов и стихотворений.⁴ Именно здесь в 1920 г. в издательстве «Библион» вышел сборник его рассказов «Звезда Соломона», куда были включены не только произведения, уже опубликованные в России, но и несколько его новых рассказов, например рассказ «Лимонная корка» о поединке двух боксеров, напечатанный впервые в газете «Новая русская жизнь», главным редактором которой был Юрий Григорков (1885—1961). В этой газете и стал работать Куприн как публицист. Еще находясь в Ревеле, он послал в Гельсингфорс свою первую статью под названием «Там», посвященную памяти Леонида Андреева. В дальнейшем писатель опубликовал здесь фактически все свои очерки, заметки и статьи. Программа газеты была изложена в ее первом номере: «Мы боремся за воссоздание великой и сильной России и за уничтожение главного ее врага, большевизма, с которым, по нашему глубокому убеждению, невозможны никакие, хотя бы и временные соглашения».⁵ Это направление было созвучно и мыслям Куприна, недавно покинувшего революционную Россию. Надо отметить, что основной целью всех его публикаций финского периода была борьба против советской власти. На страницах «Новой русской жизни» писатель разоблачал идеологию, безнравственность и цинизм новой власти, критиковал большевистскую революцию, военный коммунизм и т. д. Как подчеркивает Бел Хеллман, в публикациях этого периода выражен «четко сформулированный, вполне логичный взгляд

---

⁴ Хеллман Б. Александр Куприн в Хельсинки // Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии. СПб., 2001. С. 10.

⁵ Новая русская жизнь. 1919. 5 дек. № 1.

на Октябрьскую революцию, на жизнь в Советской России и роль эмиграции в политической борьбе»⁶ В отличие от образа Куприна-эмигранта, созданного в советское время, перед нами возникает совсем другой образ писателя, внимательно следившего за жизнью в большевистской России и анализирувавшего происходящие на Родине события

Именно к творчеству Достоевского и обращается Куприн, чтобы наиболее точно определить свою позицию по отношению к большевизму и выразить свой взгляд на происходящее в России Так, в шестом номере газеты «Новая русская жизнь» от 10 января 1920 г появляется статья под названием «Пророчество первое», построенная на подборке цитат из романа «Бесы» Предваряют текст слова Куприна об этом романе «Страшная книга Изумительная, беспощадная, пророческая книга Апокалипсис ближайших дней, глумливый и гневный, начертавший образами, жившими пятьдесят лет тому назад, всю суть нынешнего большевизма его характеристику, лозунги, происхождение, идеологию и приемы, а также его бессилие Эту книгу „Бесы“ Достоевского надо перечитать целиком Она ужасна и точна до портретности Взятые мною из нее случайные выдержки я не осмеливаюсь даже сопровождать комментариями Я только расположил их в некотором порядке» Далее Куприн приводит ряд цитат из романа Приведем несколько примеров «Люди из бумажки, от лакейства мысли все это Ненависть тоже тут есть Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы и на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся » или «Напечатано вдруг, чтобы выходили с вилами и чтобы помнили, что кто выйдет поутру бедным, может вечером воротиться домой богатым Или вдруг пять-шесть строк ко всей России, ни с того, ни с сего „Запирайте скорее церкви, уничтожайте Бога, нарушайте браки, уничтожайте права наследства, берите ножи“, и только, и черт знает что дальше» В конце статьи Куприн вопрошает «Что же это? Достоевский ли был таким зловещим пророком, или большевики целиком воспользовались его гениальной буффонадой, чтобы превратить его в свой катехизис?

А может быть, вопрос и гораздо проще? Может быть, современные потрясатели всемирного покоя — всего-навсего лишь преемники старого русского нигилизма, столь давно знакомого и гнусного Парижу и Женеве, но вдруг выскочившего, подобно сероводородному пузырьку, на болоте усталости и скорби русской земли?»⁷

---

⁶ Хеллман Б Александр Куприн в Хельсинки С 20

⁷ Куприн А И Мы, русские беженцы в Финляндии С 91—94

В 50-м номере газеты 2 марта 1920 г. появляется его статья «Пророчество второе». «С месяц тому назад мы привели на столбцах нашей газеты, — напоминает читателям Куприн, — целый ряд выдержек из „Бесов“ Достоевского. Несколько десятков строк великого „тайновидца духа“ в сжатом и страшном виде обрисовывают идеологию и методы того современного русского большевизма, который Достоевский как будто бы провидел за сорок лет вперед. Это провидение у него не единственное. В заключительной части „Преступления и наказания“ он с жуткой проникновенностью заглядывает в те времена, которые еще для нас не наступили; они только назревают, но зловещие признаки их уже как будто бы носятся в воздухе». И далее Куприн цитирует всем известный отрывок, начинающийся словами: «...ему грезилось, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу». В конце статьи писатель проводит параллель между пророчеством Достоевского и пророчеством А. И. Герцена: «...странно: к такому же пророческому выводу приходит с горьким чувством и Герцен: „Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией“». Куприн здесь имеет в виду очерк «С того берега: Эпилог 1849 года».⁸

Апеллируя к текстам Достоевского, Куприн в «Пророчестве первом» показывает, *что* уже произошло в большевистской России; в «Пророчестве втором» предсказывает, *что* ожидает людей после торжества советской власти и социализма. Обе эти статьи построены на цитатах из романов Достоевского. Напомним, что писатель провел два года в Советской России и выступал на страницах «Новой русской газеты» как очевидец страшных октябрьских событий и их последствий: создания ЧК, стихийных расстрелов, репрессий и т. п. Большинство его статей и очерков — это размышления писателя об этих днях и анализ текущих новостей, поступавших из России. Но Куприн размышлял и об истоках трагедии, пытался найти ответ на мучивший его вопрос: «Почему произошла Октябрьская революция? Почему она произошла именно в России?». И он все чаще приходил к мысли, что русский характер был благоприятной почвой для идей большевизма.

К вышеупомянутым «пророчествам» примыкает и третья статья «Капитаны Тушины», опубликованная 4 марта в 52-м номере газеты за 1920 г. В ней писатель анализирует русский характер на примере образа капитана Тушина из романа «Война и мир» Льва Толстого.

---

⁸ Там же. С. 143—145.

Он пишет, что в этой «фигуре, робкой и героической одновременно», «самом верном типе русского военного героя», сочетается «героизм вместе со смирением и рабскою покорностью перед Держимордами, что и породило русский большевизм». И далее Куприн вспоминает: «Достоевский в „Дневнике писателя“ в одной из статей, относящихся к войне 1877—1879 годов, рассказывает об английском военном агенте», задержанном русскими солдатами и доставленном в ставку главнокомандующего. Англичанин держал себя здесь «самым наглым и развязным образом». Он высокомерно обратился за помощью к русскому офицеру, и тот помог ему. «Достоевский говорит об этом случае, — пишет Куприн, — с той горечью, какую только у него можно встретить».⁹ В качестве примера он приводит статью «Лакейство или деликатность», напечатанную в «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г., в которой Достоевский цитировал «Письмо В. В. Крестовского с русско-турецкой войны из „Петербургской газеты“ от 3 ноября 1877 г.». Сравнивая этого офицера с капитаном Тушиным, Куприн так комментирует Достоевского: «И сделал он свой рабский жест не от рабства личной натуры, а от инстинктивного родового трепета перед начальством, перед главным, перед имеющим право приказывать. Давно известно, как лучшие и храбрейшие русские люди беспомощны перед наглецами и самозванцами», — делает вывод писатель¹⁰ и добавляет, что эту смесь героизма и смирения, вовсе не унижительную и уживающуюся в русском человеке, никогда не понять иностранцам.

Анализируя обстановку в России, Куприн надеялся, что между большевиками и народом, особенно крестьянством, конфликт будет обостряться. И не последнюю роль в нем будет играть религия. В статье «Христоропцы», напечатанной 22 января 1920 г. в 16-м номере «Новой русской газеты», Куприн писал: «По-видимому, каждая революция сопровождалась взрывом безбожия: французский Конвент „голосовал“ Бога и все-таки допустил бытие „Верховного Существа“. Отчасти из рабского подражания великому образцу, отчасти памятуя слова Достоевского о том, что русский атеист — самое нелепое и готовое на всякое преступление существо, — нынешние демагоги усердно вырывают Бога из народного русского сердца»¹¹ Здесь Куприн вновь обращается к роману «Бесы», в котором данная мысль является одной из центральных, и излагает ее в своей интерпретации.

В достаточно резкой статье «Нация», напечатанной в газете в 32-м номере от 10 февраля 1920 г., писатель размышляет об отношении русского народа к своему историческому прошлому на

---

⁹ Там же С 148—153

¹⁰ Там же С 150

¹¹ Там же С 104—105

примере А С Пушкина «Величайшему поэту огромной страны, — пишет он, — ее пламенному, благородному, чистому сердцу, ее лучшему сыну, нашей первой гордости и нашему ясному оправданию, родоначальнику прекрасной русской литературы — мы умудрились поставить самый мещанский, пошлый, жалкий, худосочный памятник в мире»¹² Куприн имеет в виду памятник поэту на Пушкинской улице в Санкт-Петербурге, который был первым в столице Российской империи Он был торжественно открыт 7 августа 1884 г Это — один из многочисленных конкурсных вариантов А М Опекушина Критика того времени снисходительно относилась к памятнику, обходя его молчанием или отзываясь о нем отрицательно «Только по злобе или по безграничной глупости можно было втиснуть чудесного поэта в эту вонючую каменную клетку», «гнездилище всяких мебелирашек», — продолжает Куприн¹³ Резкость тона объясняется тем, что в то время на этой улице находилось много доходных домов и соответствующей была окружающая обстановка и атмосфера улицы И для того, чтобы еще больше усилить современное восприятие прошлого, писатель вновь обращается к Достоевскому «Сказал ли кто-нибудь о Пушкине публично настоящее, большое, любовное, национальное слово, за исключением Достоевского, которому и тогда, да пожалуй и теперь, совсем недавно, ставили в упрек его страстную, огненную любовь к России как к нации и к Пушкину как к ее величайшему выразителю?», «И так со всеми с Гоголем, Толстым, Тургеневым, Достоевским Со всеми Плевали мы на свое историческое прошлое, на светлую память своих праведников, на своего кормильца — великий русский народ, на свое национальное достоинство, стыдясь и высмеивая его», — делает печальный вывод Куприн¹⁴

Из вышесказанного можно сделать вывод, что имя Достоевского было дорого писателю именно в этот тяжелый период, когда он был вынужден покинуть родину Внимательно следивший за событиями в России и борющийся печатным словом против большевиков, он для большей убедительности своих высказываний обращался к творческому наследию Достоевского

Как нам кажется, тема «Куприн и Достоевский» требует дальнейшего и более глубокого и внимательного исследования

---

¹² Там же С 125

¹³ Там же С 125—126

¹⁴ Там же С 127